

Будущее

Позже, оглядываясь назад, люди восхищались тем, насколько точными и совершенными были планы богов, и как они, казалось, всегда точно знали, какой снег нужно сдвинуть, чтобы вызвать лавину. Однако большинство жителей Берка все еще морщились от первой части этой истории - особенно те, кто видел, как она разворачивалась.

Многие недоумевали, что заставляло мальчика продолжать жить в те первые годы, некоторые из них были менее великодушны, чем другие, поскольку, подсчитывая, сколько овечьих голов пропало или сколько деревьев нужно срубить для нового дома, они желали, чтобы он действительно остановился. И только позже, когда все было сказано и сделано и ответ был известен, началось изумление богов и содрогание. Потому что, в конце концов, то, что поддерживало Иккинга Хэддока в годы его молодости, было одним из его самых охраняемых секретов.

Это была вера - на самом деле, знание и уверенность, не подлежащая сомнению, - в то, что отец любит его.

За безумным лицом и сросшимися бровями, за хмурым взглядом и привычкой слушать только себя, когда они разговаривали, Иккинг знал, что отец его любит. Это проявлялось в мелочах - в том, что в доме всегда было любимое варенье Иккинга, как бы ни был занят Стоик. Как Иккинг всегда каким-то образом оказывался в постели, независимо от того, где он заснул. Стоик точил свой меч чаще, чем это было полезно для металла. Иногда это раздражало, а иногда было унижительным и даже оскорбительным, потому что Стоик не скрывал, что считает своего сына неспособным защитить себя с помощью паучьих рук и ног, но это также было частью ежедневной рутины Иккинга. Проснись, умойся; знай, что отец любит тебя.

Так он каждый день сталкивался с деревней, не обращая внимания на всеобщее мнение о том, что деревня испорчена. И даже когда он впадал в уныние, когда разочарованный взгляд отца становился настолько неприятным, что ему приходилось ныть об этом Плеваке, он стремился сделать все лучше, поскорее забыть об этом, перестать быть "всеми этим", потому что ему было к чему вернуться, к чему-то важному, а это было сделать так, чтобы отец гордился им. Пока отец любил его, не имело значения, что он не мог вставить ни слова - когда они вообще говорили, - что его регулярно поносили и что его сверстники и жители деревни думали о нем мало хорошего. У него была цель, он будет стремиться к ее достижению и докажет, что достоин любви и имени своего отца, или умрет, пытаясь это сделать. Потому что, черт возьми, он любил отца и деревню не меньше; ему просто нужно было показать им, что он достоин, а поскольку ему это пока не удавалось, нельзя было винить их в том, что они обиделись. Именно поэтому он не остановится, пока не добьется своего. В конце концов, он был викингом. У него были... проблемы с упрямством.

Его картонный домик получил первый удар по фундаменту, когда они впервые выпустили Злобного Змеевика. Сильные ветры уже раскачивали конструкцию, а его время было поделено между первоначальной целью - завоевать уважение отца и заслужить его любовь, и растущим чувством любопытства, которое он испытывал к своему новому увлечению. Дракон так сильно манил его, заставляя переосмыслить мир, каким он знал его с тех пор, как стал достаточно взрослым, чтобы помнить слова. Он начал думать об опасных вещах.

Взгляд Иккинга уже начал шататься и смещаться, деформироваться, как кусок металла в кузнице, который без устали колотят, так что он уже не походил на свою первоначальную форму, но и не был похож на готовое изделие. Потом Астрид открыла рот, и земля задрожала у него под ногами.

После того как он выбежал с арены и бесцельно топал по деревне, игнорируя всех и каждого, в его голове постоянно крутилось множество острых мыслей. Разочарованные взгляды, молчаливые трапезы и публичные выговоры предстали в ином свете, или он попытался это сделать, потому что от одной этой мысли ему захотелось заболеть. Поэтому он отбросил эти мысли в сторону, вышел из холодного пустого дома и отправился в кузницу. Там он провел несколько продуктивных часов, прежде чем щит и рыба были выбраны и отнесены в бухту, где, неизвестно как, ждало его будущее.

После этого его мысли об опасных вещах только усилились. Он начал думать о том, что их знания ошибочны, их поведение тоже. О том, что, возможно, любовь можно заслужить по-другому, или что есть другое, иное решение, третий вариант в бесконечной войне за выживание, которую ведут рептилии. Все это требовало перемен - а перемены не слишком нравились викингам, особенно с их упрямством, которое, как правило, было в крови. По мере того как росла его любовь к игривому, невероятному дракону, а его отношения с Берком становились все более отдаленными из-за его вины за то, что он так тщательно всех обманывал, сердце Иккинга все больше и больше разделялось, поляризуясь между его естественным желанием быть любимым, которое Беззубик удовлетворял в избытке, и его естественной верой в то, что он должен заслужить эту любовь - любовь, которую испытывал к нему его отец и которая все еще удерживала его на корню привязанным к Берку.

Потом отец вернулся, и впервые за долгое время - может быть, за всю жизнь? Иккинг был уверен, что такое время было до того, как не стало его мамы - Стоик смотрел на сына, лопааясь от гордости, и Иккингу стало не по себе. Он так старался, чтобы заслужить это выражение лица и рассмешить отца, что невольно понадеялся на то, что отец, по крайней мере, понял его уловку, потому что он все-таки его отец. Что он действительно знает о Беззубике и поддержит его в этом деле.

Это было глупо, правда. Топор упал с могучим ударом всего через несколько песчинок, оставив карточный домик Иккинга трепыхаться внизу живота и опускаться к ногам.

Все эти годы худшего викинга, какого когда-либо видел Берк! Один, это было жестоко! Я почти отказался от тебя!

Иккинг не мог припомнить случая, когда ему было так больно. Даже после нескольких первых падений с летящего дракона его синяки и ушибы казались теперь не такими болезненными. Слова Астрид и многих других, казалось, поднимались сквозь воду его разума, как масло, и дразнили его: он действительно был лишь разочарованием. На самом деле отец не выносил не то, как он выглядел, а всего его. Это было остро, всепоглощающе и ужасающе. А еще это было очень грустно, понял он каким-то уголком сознания, не занятым нейтральным выражением лица, потому что он действительно очень любил своего отца. И Берка. Но было глупо не признать, что это чувство не было взаимным - и, очевидно, никогда не было.

Когда отец ушел, Иккинг окинул пустым взглядом крошечную комнату, в которой он находился, и несколько мгновений не знал, что ему чувствовать. Его альбом для набросков смотрел на него, рисунки Беззубика были настолько очевидны, что выражение, которое он нарисовал на драконе собственной рукой, казалось, насмехалось над ним; его отец видел в Иккинге только то, что хотел видеть. Даже если бы он смотрел на него в ответ, прямо здесь, в трех футах от него, в виде планов хвостовых плавников и набросков ночной фурии в разных позах, Стоик никогда бы не увидел Иккинга по-настоящему - никогда. Стоик не ждал, когда Иккинг проявит себя; на самом деле Стоик уже почти перестал надеяться, что его сын станет кем-то, кроме худшего викинга из всех, что когда-либо были в Берке. Молчаливое взаимопонимание, о котором думал Иккинг, когда он работал все усерднее и усерднее и наконец смог проявить себя, а отец продолжал любить его до тех пор, пока ему это не удалось, - все это было в его голове. Разочарованные взгляды, молчаливые обеды и публичные выговоры, наконец, обрели другой, тошнотворный свет, который впервые высветила Астрид; отец не поощрял его единственным известным ему способом - жесткой любовью, в которой было много жесткости и мало внешней любви. Он просто был сыт по горло мальчиком, который постоянно все портил и делал его жизнь несчастной, а работу еще более тяжелой, чем она должна была быть.

Несколько мгновений он горько плакал. Не каждый день кто-то понимает, что он очень не нужен, и не каждый день мальчик узнает, что отец, которого он обожал, на самом деле его не любит. Но он не позволял себе этого долго - то, что он не плакал с тех пор, как не стало матери, было предметом его гордости, и хотя бы в этом он был викингом. Поэтому он вытер слезы, сделал глубокий, дрожащий вдох и начал думать.

Он написал три письма. Одно он оставил Плеваке в кузнице. Два других будут доставлены адресатам лично. Он вынес из своей крошечной мастерской все, что мог унести, и спрятал в местах, которые, как он знал, мог достать только он, вещи, которые он не мог достать. Зная, что у него мало времени, поскольку его отец был занят, но и устал, он направился сначала в доки, чтобы освободить лодку, которая, как он знал, всегда была там для отвода глаз, а затем быстро вернулся домой, прочесав все комнаты на чердаке дома, где он спал с тех пор, как покинул колыбель, и удалив все следы себя, какие только мог найти. Большинство вещей он смог унести, а остальное аккуратно сложил в углу, чтобы избавиться от них. Одно из писем было положено на деревянную раму кровати.

На мгновение его охватило искушение пойти на арену и освободить драконов, особенно кошмарных, пока зима не заставила викингов сделать то, что они делали каждый год, но он отбросил это искушение, и сожаление вместе с другими чувствами зародилось в его груди, когда он поспешил дальше. Опасность быть обнаруженным была слишком велика, и тогда Беззубик никогда не сможет выжить в одиночку. Достав второе письмо, Иккинг взял себя в руки, взвалил на плечи плетеную поклажу и небольшой мешок с припасами и направился к бухте. Его друг-дракон был одновременно и забавен, и смущен, увидев его в неподходящее время суток; а потом он уловил его настроение, потому что начал утешительно подталкивать его, шепча ему какие-то свои мысли. Беззубик не раз доказывал, что прекрасно его понимает, и его утешительные стоны в тот момент были тем, что заставляло Иккинга не сдаваться.

Потому что это было к лучшему. Берк не заботился о нем - не в обиду им будь сказано, он и в самом деле частенько плохо себя вел. А его отец... заслуживал гораздо большего, чем быть обузой для сына вместо действительной помощи и поддержки, которую он должен был иметь.

Иккинг думал, что он поддерживает его; что если он продолжит стараться и в конце концов проявит себя, то заслужит право занять место рядом с отцом. Маленький соблазнительный голосок все еще шептал ему на ухо, уговаривая забыть обо всем этом, вернуться в деревню и использовать свой шанс на арене - ведь отец так гордо говорил о нем! Ему казалось, что он наконец-то добился своего - но теперь эта иллюзия была разрушена. Иккинг знал, что гордость Стоика была неуместной, и что их отношения были разными.

Поэтому Иккинг Ужасный Хэддок Третий решительно кивнул и подтолкнул Беззубика вверх, потому что он еще мог сделать кое-что для своего отца и его любимого дома - он мог убрать из Берка самого страшного викинга, которого тот когда-либо видел. Если он так крепко держался за упряжь Беззубика, что ушиб руку, и если он проплакал всю дорогу до следующего крошечного необитаемого острова, это было неважно. Теперь его ждало что-то новое - Беззубик, похоже, предлагал себя для этой работы - и всегда оставались его новые знания о драконах, над которыми можно было поработать. Возможно, если он изменит сознание достаточного количества людей, с набегами можно будет бороться по-другому. Лучше. С меньшим количеством жертв и раненых с обеих сторон.

Когда наступил следующий день, планы богов уже были приведены в действие, или так решили люди, оглянувшись назад. Но так и должно было быть, потому что, в конце концов, Асгард заботился о своих героях, а Иккинг Хэддок, безусловно, был одним из них.

<http://tl.rulate.ru/book/92895/3050538>